

Чечитов.А,А

Голодное воскресенье

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Чечитов
Голодное воскресенье

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чечитов А. А.

Голодное воскресение / А. А. Чечитов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Рожденный в эпоху революций и мировых войн, по воле случая Андрей оказывается оторванным от любимой женщины. В его жизни ложь, страх, смелость, любовь и ненависть туго переплелись с великими переменами в стране. Когда отчаяние отравит надежду, ему придется найти силы для борьбы или умереть. Содержит нецензурную брань.

Перешептываясь люди, нехотя расступались, перед примчавшимся экипажем. Растрепанный неровной дорогой корпус, поскрипывая изношенными частями, замедлил ход. Из остановленной рывком брички, звякнув дверцей об металлическую обшивку, выскочил мужчина. Пробежав около лошадей покрывшихся тяжелой испариной, он метнулся к пожару. Сгрудившись, люди стали тугой массой на пути. Перед ними подымаясь в вечернее небо, закручивались в причудливые кольца струйки дыма. Высокие, красно – желтые языки пламени раскачивались на крышах двух соседствующих домов. Деревянные стены шипели и трещали пожираемые не знающим преград огнем.

– Отойдите! Пошел прочь! Пробиваясь через толпу, кричал взбудораженный человек.

– Дмитрий. Родненький! Накинув мокрые ладони на шею, попытался заключить в объятия, вышедший на встречу брат жены.

– Где Андрей?! Побагровев, зарычал в ответ Дмитрий.

– Как, где? Не с вами разве? Прищурив помутневшие глаза, он переминался на ослабевших ногах. Ухмыльнулся.

Бахх. Твердо сжатые в кулак пальцы, смяли щетинистую скулу. Дмитрий, метнувшись к горящему зданию, обернулся на мгновение к карете. Свет пламени выхватил из тьмы силуэт жены. Выбравшись на верхнюю ступеньку, женщина тревожно глядывалась в залитую красным заревом улицу. Оторвав длинную доску от забора, Дмитрий стал бить ей в окно. Острые, стеклянные брызги усеяли землю под ногами. Оставив алые пятна крови на раме, заскочил внутрь. Доля секунды и очертания широкого, дорогого, мужского сюртука растворились среди могучих лепестков пламени.

– Пропал дурак. Пережевывая масляный пирожок, промямлил толстый крестьянин.

– В самую печь бедолага! Причитали, хватаясь за голову закутанные в теплые кафтаны деревенские бабы. Некоторое время спустя, изъеденные жаром крыши стали рушиться. Падая, тяжелые балки подбрасывали искрящуюся пыль высоко вверх.

– Свят господи. Отбивали в два перста святой крест удивленные селяне. Из обугленного окна с грохотом вывалился темный, живой клубок.

– Андрюшенька. Душа моя. Как здоровьице? Услужливо – приторным голосом тянул слова дядя Митрофан. Именно его серо – синеватое, разбитое лицо первым увидел Андрей после пережитого пожара. Неделей ранее Митрофан, разместил в своем доме, где вел частную врачебную практику захворавшего племянника. Обещая поднять на ноги в короткий срок, поклялся больше не пить. Сам Митрофан толком ничего не помнил. Сестра отказывалась разговаривать с ним, о чем либо. Голова гудела, и мысленно восстановить ход событий было трудно. В груди углей, позже нашли останки соседа собутельника. Едкий запах жженой плоти, наполнял пространство большой комнаты. В дальнем углу обособленно стояла невысокая кушетка, где скрючившись, лежал Дмитрий. Подле него сидела жена, накладывая мазь на глубокие, пурпурные раны.

– За что боже?! Вздыхая, повторяла Мария, вытирая неустанно бегущие по щекам горячие слезы. Через два мучительных дня, дыхание Дмитрия остановилось. Прижавшись, последний раз к холодному расплавленному огнем лицу, Андрей с мамой зарыдали. Заволакивая мглой округу, ночь вступила в свои права. Покрикивания ямщика, шарканье соединяющих деталей кареты, шумное дыхание лошадей слились в однотонную, скучную мелодию. Отодвинув полупрозрачную, кружевную шторку Андрей смотрел в темноту. Ямщик подвыпив, свернул с почтового тракта, решив срезать путь лесной дорогой. После получаса езды по колдобинам экипаж стал. Высокие, вековые деревья, раскачиваемые прохладным ветром, под желтыми кронами которых остановилась карета, кренились из стороны в сторону. Среди их плотно переплётшихся ветвей то и дело вскрикивали полуночные птицы. Прислонившись к теплему плечу матери, Андрей дремал. Марии не спалось. Воспоминания не давали покоя. Сестра Варвара прислала короткое письмо из Санкт-Петербурга с предложением поселиться у нее. Состоятель-

ная, бездетная вдова, она очень любила младшую сестренку. Мария согласилась. Хлопоты по продаже нажитого имущества пришлось оставить на незадачливого брата Митрофана. Преведняя жизнь осталась в захудалом, губернском городке.

– Чертово колесо сломалось. Хрипя буркнул ямщик.

– Это надолго?

Толстое, заросшее почти до глаз лицо сморщилось, приняв едкое выражение.

– Черт знает. Буду чинить.

Еще на почтовой станции Мария получая заказанный экипаж, стала свидетельницей его ссоры с начальником отделения. Вытащив из висящих на поясе ножен, длинный, увесистый кинжал он крутил им перед испуганным и смущенным наглостью человеком. Последний в свою очередь, грозился уволить, но почему-то всегда оттягивал с наказанием. Перебрасывая из руки в руку оружие, дебошир плюнул в его сторону и пошел на улицу. Мария хотела отказаться от этого человека, но свободных кроме него не нашлось. До железной дороги восемьдесят верст, и преодолеть их требовалось в строго указанное время. – Следующий поезд будет не скоро. Рассудив, что от осенней грязи позже дорога станет совсем непролазной, она согласилась.

– Пуфф. Хлопнуло о борт, что-то тяжелое. Мария отпрянула от запотевшего окошка, Андрей задрожал.

– Хрр. Заскрежетали петли распахнутой дверцы. Подавившись воздухом, ямщик кряхтел и кашлял.

– Что случилось? Испугалась Мария.

– Волки! Крякнул влезавший по ступенькам внутрь ямщик. Сначала свалившись на пол, он с трудом поднялся на колени. Все тело его тряслось, легкие гудели. Жирные руки еще какое-то время судорожно сжимали, спешно защелкнутую щеколду. Почувявшие хищника лошади надрывно заржали. Карету резко дернуло вперед. Корпус, дребезжа, толкал из стороны в сторону растерявшихся пассажиров. Вцепившись пальцами до боли в мамино платье, Андрей сжался. Разрезая оголенной, стальной осью брички рыхлую, мокроватую почву тройка, ведомая диким страхом, понеслась быстрее молнии. Деревянные стенки колыхались, колеса виляли по глубокой колее. Удерживаясь за подоконный поручень, Мария пыталась прижать Андрея крепче.

Крр. Наскочив на кочку, карета подпрыгнула, подбросив людей к потолку. Повернувшись в воздухе, она рухнула на бок. В ушах звенело. Мария очнулась. Левое плечо ныло. Тонкие, короткие спазмы били в спину.

– Сынок?! Вопросительно прошептала Мария. Под тонкими, изящными пальчиками закручивались, русые, непослушные волосы сынишки. Прислонив ухо к детской груди. Наконец облегченно выдохнула. – Живой.

– Уже почти шесть лет. А совсем недавно муж с искрящимися глазами показывал первые пробившиеся зубки. Счастливые родители обнимали и целовали малютку. В день рождения Андрей сделал свои первые шажки. Поддерживая за крохотные ручонки, папа ступал рядом. Опираясь о решетку холодного камина, малыш запачкал ладошки сажеей. Мария захохотала с Дмитрием, увидев под носом сына черный след от сажи, похожий на гусарские усы.

– Разрешите представить, поручик Кулаков. Попробовал не смеяться папа, показывая на забавный вид Андрюши. Хотелось остановить эти чудесные минуты. Сердце Марии пело. Потихоньку Андрей подрастал. Редкие гости нахваливая, умилялись смышленому сорванцу. Однако здоровьем похвастаться мальчик не мог. В осеннюю и весеннюю пору мама обычно проводила долгие часы возле него с градусниками и примочками.

Причина была. Их с мужем первенец не прожив и трех месяцев, умер от скарлатины. Усилия докторов не принесли никакой пользы. Средства, получаемые от имения, позволяли

иметь многие блага, в том и числе хороших врачей. Но Мария никому теперь не желала доверять эти заботы.

Унаследовав земли от нерадивого отца кутилы, Дмитрий усердно поднимал запущенное хозяйство. Крестьяне не желали менять привычный уклад, испытывая унылое настроение, при попытках растормошить их. Дмитрия по старой привычке называли барином. Иногда он, как и мужики, распахивал поле, жал хлеб, свозил зерно на мельницу. Доводя порой себя до изнеможения, требовал и остальных не отставать в труде. Прознав, за рублем приходили крестьяне даже из соседних деревень. Тяжело, даже надрывно работая, они все же были уверены, что получат свое без обмана.

Хорошо помнил Дмитрий тяжелый, голодный тысяча восемьсот девяносто первый год. Тогда еще зеленый юнец, он проезжал с батюшкой по семейным владениям.

Безразличное отношение к делам на всех уровнях привело к беде. Земля обрабатывалась по старинке, да без должного надзора со стороны хозяина. Были и тогда в империи губернии, получившие хорошие урожаи, однако умного распределения зерна так и не происходило. Оставшиеся без средств, люди побирались. Выпрашивая у середняков или зажиточных крестьян, обескровленные некоторые из них падали прямо на дорогах. Не в силах более подняться, устремляли недвижные очи к небу.

– Дмитрий Харитонович. Смилуйте помочь. Почтительно обращались дворовые и остальные селяне, не допускаемые в усадебный дом дальше порога. Получив заем, кое-как сводили концы с концами. Соседи же состоятельные землевладельцы не жаловали его, обзывая за глаза чудачком. Крутой норой и резкие высказывания оттолкнули их от него еще в пору юности.

Так и жили Кулаковы, особняком, не считаясь со слухами и домыслами остальных.

Ууу. Захныкал Андрей на коленях у матери. Приоткрыв веки, он увидел лишь мрак угольного цвета. За пределами кабины слышалось отчаянное ржание лошадей. Перепуганные скакуны рвали упряжь, выбиваясь из последних сил. В рокоте шумной возни, было четко слышно мерное, твердое рычание.

– Сделайте что-нибудь! Прошу?! Шептали сухие губы Марии, взывая к ямщику. Отброшенный в противоположную сторону, он не издал ни звука.

Над головой послышалось шарканье. Увесистые, когтистые лапы стремительно перебирали по внешней обшивке.

Внутри все сжалось, кровь отступила от лица. Легкий сквозняк из разбитого смотрового окошка тянул по головам. Большая, мохнатая пасть, оскалившись, воткнулась внутрь кареты, застряв до шеи. Дрожащая рука мамы в этот миг плотно закрыла рот Андрея. Молодой волк, раззадоренный погоней, принюхивался. В стае из пятнадцати зверей, он редко наедался до сыта. Запах горячего пота внизу под лапами сладко кружил серую голову. Зверь медлил с нападением, поскуливая и кружа у кромки окошка.

Точно молнии в шторм, мысли Марии лихорадочно металась от одной к другой.

– Кинжал! Вспомнила женщина. Рыская в темноте, она нащупала тело ямщика. Уже охладевшие руки его стали коченеть, мешая вытащить оружие.

– Вот! Помоги вытащить сынок?! Вскрикнула Мария. Клинок оказался под одутловатым, тучным животом. Извиваясь, хищник пытался протолкнуть оставшуюся часть тела. Андрей забился в угол. Обхватив голову ладонями, мальчик не двигался.

Размахнувшись Мария, направила лезвие в сторону зверя. Скользнув по шерсти, острие вонзилось в бархатную обшивку. Приблизившись, женщина стала бить изо всех сил. Массивные клыки замкнулись на левой руке. Зажмурив глаза от жуткой боли, Мария не останавливалась. Челюсть ослабнув, разжалась. Хватая воздух горлом, пробитым почти насквозь, животное вскоре затихло. Горячие, липкие линии струились из тела, оставшегося висеть в окошке волка.

– Зайчик. Мария притянула к себе съёженного малыша, испачкав его одежду кровью.
– Я с тобой Андрюша!

За тонкими деревянными перегородками были слышны слабые звуки возни и угасающие всхлипывания лошади. Рычание. Глухие, утробные хрипы проникали в самое сердце, покрывая кожу мелкой, ледяной рябью. Дышать стало тяжелее.

– Мама, волки съедят нас?

– Нет. Они скоро уйдут.

Ноги отказывались слушаться. Опираясь на целую руку, женщина переползла на тряпье, вывалившееся из дорожных сумок. Голова закружилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.